

[<https://www.youtube.com/watch?v=edh5sPk2АНА>]

...

Гельта, ни сказав и слова, покинул кабинет; Даркус понял, что потерял всякий аппетит, на языке что-то обидно пульсировало. Он, весьма неловко, сел за своё кресло, склонившись над письменным столом, и подолгу всматривался в исправленные отцом каракули. «Вот уж беда! – вскинув голову, прошептал Даркус. – Кажется, Химерус, друг мой, что тобой то и дело помыкают. Живёшь ты, друг мой, не для себя, а для другого, не иначе. И делаешь ты то, что хочет другой, а не ты сам... А ты ведь и рад, тебе ведь проще; идёшь себе вперёд, куда скажут, и даже по сторонам не смотришь. А не смотришь потому, что не просто не хочешь – не можешь, окостенела шея твоя, одеревенела голова твоя, друг мой. – Инквизитор неожиданно резко наклонился вперёд, рука заползла под жилетку и выудила блестящий амулет, впрочем, постепенно покрывающийся трещинами, как на глине. – И с ума сходишь, беседы, как видишь, с собою ведешь, на людях теряешься; да какой там, ты сам на себе теряешься; боишься кого-то... А не кого-то надо бояться, себя... Себя надо бояться, и чтобы другие боялись. Ты ведь, Даркус, с выдержкой, со зверем в сердце, ты ведь сам знаешь».

Дарк вскочил, подошёл к стойке и достал какой-то трофейный незаточенный клинок, который, попервоначалу, висел на стене над дверью, но примор, сам не зная зачем, попросил его снять и оставить на стойке.

Холодный металл оказался приятным на ощупь; вычурная гарда, впрочем, державшая рукоять и лезвия в почти идеальном равновесии (необходимо было всего лишь заточить клинок, и проблема бы тут же решилась), оплетала стальной лозой пальцы Даркуса. Он, не отдавая себе отчёта, схватился за клинок несвойский, левой рукой. Неожиданно просто махнул им. Махнул с полным осознанием дела, которое, впрочем, взялось буквально из ниоткуда, словно некий неосязаемый шепот надиктовывал ему последовательность странных ритуалов, которых Даркус осознавал не в полной мере.

Вмиг инквизитора охватила паника; Даркус понял, что тело его двигалось само по себе. Но оно оставалось послушным и при желании хозяина, без всяких усилий, могло прекратить начатый ритуал, но не прекращало – страх Даркуса с каждой секундой всё быстрее и быстрее сменялся интересом. Интересом тёмным и почти интимным, словно Дарк исподтишка наблюдает за чем-то постыдным, за чем-то, что в приличном обществе боялись, но чего страстно желали в уединении.

«То, чего я боюсь – истина. Я безумен, и я всегда знал это. Но даже безумец из меня никудышный – беззубый; всякий бы уже давно устроил переворот, породил бога-тирана, пошёл бы резать людей на улицах, уничтожил бы мир на худой-то конец, а ты. А ты всё теплишься, ютишься, строишься к людям, которые для тебя никто. Чужаки. Все они никто. Все они чужаки. И отец... И Гельта, и Талиса, и Гвадилен, и Квин, дурья он башка, даже Перо, помни я её чуть больше, чем никак. Всё они чужаки для тебя, ты знаешь это, ты чувствуешь это. Чувствуешь это сердцем. Носом чувствуешь».

В руке потяжелело. Даркус изумленно опустил взгляд и увидел, как трофейный клинок

обратился в нечто иное: темное, длинное и заострённое, животный клык, которым он орудовал ранее.

- Решение не заставило себя долго ждать. Всё это время ты был мой мечом... Или мой меч был тобой? - бормотал он, блуждая по комнате как ошалелый. - Быть такого не может. Не бывает тому, чему нельзя быть.

Даркус накопал в ящике стола рубин, прочитал молитву и, почему-то удовлетворённо, упал обратно на кресло. Камень трескался, крошился, рассыпался в труху и развеивался по комнате так, словно его никогда не существовало.

Тело вновь принялось изворачиваться на изнанку, головная боль, подкравшись из самых далёких глубин израненного, искалеченного сознания Дарка, окутала его цепями. Всё что он мог сделать - закрыть глаза и ждать. Ждать, когда боль прекратится, и всё начнётся вновь.

...

Сквозь закрытые веки Даркус слышал гомон. Десяток людей что-то шептали вокруг него, стучали копыта, кто-то что-то вскрикивал, в отдалении играла тихая флейта, цокали каблуки, звенели монеты, дышала раздражающим жаром толпа, издавая хрипы, бранилась и гудела безостановочно, ввинчиваясь всё глубже и глубже в мозг инквизитора. Гул нещадно обвораживался вокруг него, обвивался, обволакивал и ритмично сдавливал, откликаясь в такт болезненному стуку в висках.

Потом Дарк почувствовал опору - чью-то тоненькую ручку, державшую его под боком и постепенно уводящую куда-то в сторону.

- Даркус, опять? - голос Талисы звучал не то жалостливо, не то испуганно. - И часу не прошло, опять? Даркус, прошу скажи что-нибудь.

- Я в порядке, - прошипел Азари, медленно открывая глаза.

- Садись сюда, - она указала на низкий бордюр подле какого-то фонтана. - Прошу тебя садись!

- Сяду, - он сел.

Даркус ощутил себя на рыночной площади, в животе было полно, во рту остро горело: «Я вернулся вперед? Наверное, я вернулся вперёд» - обессиленно промычал он.

- Тали, ты ведь знаешь, и знаешь давно, когда "это" началось? - спросил он необычайно жалостливо.

- Когда я поправилась, в начале недели. - Талиса сложила рядом с ногами инквизитора корзины, наполненные покупками здесь же - на этой площади. - Даркус, я хотела сказать тебе раньше, но не могла этого...

- Я извиняюсь, - опасливо вмешался стражник, невысокий, усатый и с сыпью на пол лица. - Леди инквизитор, а что мы будем делать с телом?

- Не видишь, идиот, человеку плохо! - грозно прошипела Тали.

- Но это ведь труп посреди площади, - грубо возразил стражник, вмиг опомнившись. - Извините, леди инквизитор. За грубость извините.

- У кого больше возможностей погибнуть? У трупа или у моего брата!? - Тали встала, лицо её вмиг налилось злостью, но Даркуса эта эмоция даже рассмешила. Ему казалось, что его сестра никогда не умела злиться по-настоящему.

«Никто! - прозвучало в памяти инквизитора. - Ни Гельта, ни Талиса, ни»...

Он помотал головой, постарался ещё раз прислушаться. И вновь услышал: услышал злостное бурчание сестры, услышал гомон, услышал чьи-то перешёптывания. Даркус вмиг осознал - он тут не один. Его окружают люди, много людей, десятки разных людей: зеваки, непоседливые горожане, прохиндеи, любители сплетен и слухов; все они окружили его, все они давили на него беспощадной волной шума. Даркус уставился на небо, голубое и безоблачное, которое он, совершенно точно, не видел очень давно. Инквизитор зарычал. Зарычал тихо, но злобно. В последствии рык стал громким и преобразовался в некое подобие крика. Кричал он всего лишь одно: «Заткнитесь, сукины дети»!

Наступила блаженная тишина. Звенящая долгожданная тишина. Он опустил взгляд, увидел, как испуганно все на него косятся. Талиса, прикрыв уши, сейчас, чуть ли не пряталась за спиной усатого. Сам же стражник оробел окончательно и бесповоротно, ему уже не было дела до трупа, никому уже не было дела до трупа.

- Мертвец, - уверенно произнёс Даркус и зашагал вперёд, туда, откуда пахло кровью. - Дайте на него взглянуть.

...

<http://tl.rulate.ru/book/57317/1601704>